

защищенности, который необходим для поддержания достоинства человека, нормального удовлетворения его материальных и духовных потребностей.

Таким образом, социальные права не только не являются «мнимыми» или «второстепенными» по сравнению с гражданскими и политическими правами: они вместе с экономическими правами образуют своеобразный стержень всей системы прав человека. Наличие тесной взаимосвязи между всеми элементами системы конституционных прав говорит о целостности прав человека, их неделимости на группы, из которых одна может быть важнее другой.

Все более утверждается взгляд о взаимной связанности и нераздельности всех видов прав для обеспечения полноты человеческого существования. В этом смысле социально-экономические права совершили настоящий революционный переворот в учении о правах, утвердили новые принципы взаимоотношений личности и государства. Разногласия о природе прав важны, но не с точки зрения их происхождения, а с позиции тех способов и средств, которые должны быть привлечены для достижения целей защиты и сбережения человека.

Появление юридических обязательств у государственных властей перед своими гражданами и перед международным сообществом по созданию благоприятных экономических и социально-организационных условий жизни – значимая веха утверждения свободы и достоинства индивида, который теперь вправе потребовать от государства надлежащего поведения и в этой сфере.

А.Г. Кислов

Права человека как идеологическое оправдание status quo

А.А. Пронину и Е.М. Кропаневой посвящается

Самые мощные регуляторы человеческого поведения – трюизмы, банальные, но проверенные пошлости вроде «лучше быть здоровым и богатым...» Человек еще не успел осознать, а уже сделал так, как предписывает ему повседневная очевидность. Ею же человек и оправдывает свое поведение, если потребность в оправдании вообще у него возникнет. Ведь даже интеллектуально-изысканная «метафизика – это оправдание определенной модели нрава»¹, и всякое выяснение смысла мотивировано обретением ощущения приемлемости: «Смысл

¹ *Ольховиков К.М.* Нравственное оправдание метафизики: Россия и Запад. Екатеринбург, 2000. С. 6.

идеи смысла – не в истине, а исключительно в оправдании той или иной модели человеческого поведения в культуре»¹.

Сегодня банальным стало быть уверенным в своих правах, прежде всего, правах человека, ставших как идеологическим фундаментом эпохи, так и расхожим трюизмом. Наступательный настрой обывателя интеллигалы оправдывают разворачивающимся уже на протяжении нескольких веков «освобождением человека». Некоторые из них попутно задают обывателю вопросы о свободе «от...» и «для...», но обыватель не любит неразгадываемых слету загадок. Право он отождествляет со свободой, безграничной вольностью. В России к этому подключается традиционное отечественное правосознание с его высшим достижением «закон, что дышло...», так что юридические законы продолжают существовать в представлениях и поведении сами по себе, а право, свобода, вольность – сами по себе.

Большинство теоретиков признают права и свободы человека, человеческой личности идеей исторической, т.е. возникшей и изменчивой. С ними не соглашаются те, кто полагает человека премирно, например, по замыслу Божиему, существом свободным, а потому тварью «право имеющей». Не спеша за Бога раскрывать Его замыслы, отметим, что о правах и свободах человека заговорили не так уж давно и поначалу только в европейской среде, когда стали смотреть на человека не только и не столько как на представителя некоторого рода-племени («ты чьих будешь?..»), сословия («...чей холоп, спрашиваю?»), а как на неповторимую, уникальную личность.

В самом деле, последние несколько веков «все европейцы верят в Личность – богиню, явно сохраняющую архаические черты... Как дикари говорят: я – попугай, я – выдра, я – крокодил, так европеец твердит: я – личность. Это его тотем. Может быть, поэтому личность – самое чувствительное и болезненное место европейца»², поскольку, как известно, у кого что болит, тот про то и говорит. Отсюда бесконечные дискуссии о личности, ее природе, сущности, типологии и, конечно же, личностно-ориентированный подход ко всему на свете. Нельзя назвать этот подход непродуктивным, но при всей эвристичности и ему нужны «противовесы», иначе скоро кроме личностей мы ничего в этом мире признавать не захотим (философский персонализм в XX в. уже отстроил для желающих такую мировоззренческую конструкцию).

Заметим, что в архаической ситуации личностно ориентированный подход к процессам вхождения человека в социум и пребывания в нем

¹ Лобок А.М. Антропология мифа. Екатеринбург, 1987. С. 85.

² Петров М.К. Язык, знак, культура. М., 1991. С. 135.

возможен лишь в виде подгонки индивидуально-неповторимого человека под предъявляемые к нему социумом требования, в тенденции путем подавления всего индивидуального, неповторимого закрепленными в культуре стандартами. Архаика – ситуация социального строя, порядка, четкости, границ, эзотеричности, стабильности. В современном же социуме растет динамика, социальные структуры своими эволюциями опережают все теоретические модели синергетиков, государство как продукт, наследник и выразитель родоплеменной и этнокультурной целостности делегировало ряд своих традиционных полномочий многочисленным юридическим и стоящим за некоторыми из них физическим лицам. Физические лица в меру своей предприимчивости и инициативности используют этот растущий плюрализм нормоустановителей в свою пользу, реализуя в «зазорах» между различными источниками власти свои права, свою свободу, живя «по глупой воле своей» (Ф.М. Достоевский), осваивая и присваивая мир и, конечно же, сталкиваясь с такими же, как они, конкурентами, ограничивающими их экспансию, успехи, притязания. Конкуренция стимулирует конвенциализацию общественных отношений, а значит и обращение к правовым механизмам их регулирования. Так, право ограничивает притязания, свободу личности, только формально и ненадолго защищая ее от экспансии более сильных и удачливых.

Для эффективного выполнения функции ограничения произвола (личностей, юридических лиц, государств) право требует своего высококвалифицированного применения. Современное динамичное, высококонкурентное общество нуждается в высокоразвитой, а значит и сложной нормативно-правовой базе, грамотных правоустановителей, правоприменителей и правоохранителей, в том числе растущей «армии» специалистов-юристов. Юриспруденция всегда была высокоинтеллектуальным занятием, увеличение же роли права и, как следствие, усложнение права в современном обществе только способствует дальнейшему росту ее интеллектуальной насыщенности. Рост значимости права вместе с тем вовлекает в нее растущее число изучающих, не обязательно ориентированных на юриспруденцию как будущую профессию, порождая разветвленную систему правового образования. В связи с чем можно надеяться на развитие правосознания широких масс, на появление такого типа обывателя, для которого право будет тождественно не столько «волюшке», сколько наконец-то системе ограничивающих «волюшки» норм.

Пока же такой тип обывателя лишь формируется (будем оптимистами!), высокая значимость права отзывается в его душе более простым, привычным, поскольку сводимым к трюизмам, способом,

при котором нужны не образованные специалисты с их занудством и осторожностью, а словоохотливые харизматики, воодушевляющие следовать и без них очевидному. Что же очевидно в эпоху прав человека? – очевидно иметь права и пользоваться ими. Без пользы (прежде всего, мне – «дорогому, любимому») право – не право, а «управа» какая-то. Поэтому вместе с правами подайте человеку возможности, ресурсы, гарантии, позволяющие ему этими правами воспользоваться! Так, правосознание обывателя остается мифологией, канализированной политическими партиями в соответствующую, понятную (очевидную) и притягательную для масс идеологию «имеем право, значит – подавай!»

Но идеология не только выражает умонастроения масс. Она – играющий на отзывчивости масс инструмент манипуляции ими. Так, массы получили «права человека», теоретически допускающие самореализацию каждой личности в любой (в том числе открытой раньше только для привилегированных слоев) сфере и, как следствие, высокую социальную мобильность, стирание сословных границ. Однако политические и бизнес-элиты как были, так и остаются весьма закрытыми и стабильными, несмотря на растущий социальный динамизм и победное шествие демократии почти по всему миру.

Демократия не помешала зиянию бездны между демосом и кратосом. Ни некоторое ритуальное опрощение власти, ни иные заигрывания с электоратом, ни даже рост благосостояния масс, как, например, в странах Запада, не могли долго маскировать это зияние. Но нашелся-таки фактор, поглотивший внимание обывателя, открывший пути позитивной самореализации его индивидуальной свободы, позволивший смириться с бездной между обывателем и элитой, с иллюзорностью идеологии прав человека, поскольку она не мешает и даже способствует сохранению в обществе ситуации, в которой обыватель реализует себя как потребитель предлагаемых рынком все более разнообразных благ. Рынок их не просто предлагает, он дает возможность заработать на них деньги – не всем, но такому количеству, которое достаточно для сохранения политико-экономического status quo, устраивающего элиту и ее партии. Энергию обывателя канализируют взаимосвязанные и увлекательные процессы зарабатывания – выбора товаров и услуг – приобретения их – и потребления. Поэтому идеология большинства получает конкретизированную формулу «имеем право, значит, имеем возможность купить!»

От тех же, кто себя реализовать таким образом не смог, приходится откупаться, прежде всего, налогами на соцобеспечение и силы порядка. А дальше обделенными занимается государство, обыватель же,

кто при некоторых деньгах, стал мощным агентом сохранения политико-экономического status quo и, таким образом, вернейшим союзником элит, путь в которые для него был и остался заказан. Тихую грусть от невозможности стать причастным элите с лихвой компенсирует страх дать на сощобеспечение лишнее и – еще страшнее – попасть в ряды обделенных, в ряды получателей сощобеса. Обыватель оставил элиты в покое, он поглощен рынком, особенно, выбором товара по принципу «баланс цены и качества», но не политикой и не логическими трудностями идеологии прав человека: пусть будет такой, какая есть – декларативной, противоречивой...

Вряд ли можно найти логически безупречную, а, главное, практически подтверждаемую идеологию – не в этом ее задачи. Когда же у идеологии для решения главной ее задачи гипнотизирования масс иссякает энергия, ей либо ищут замену, либо – весомое дополнение. Таким дополнением к несправляющейся со своими противоречиями и декларативным характером идеологии прав человека стала идея прав человека «второго поколения», т.е. прав на социальные гарантии, на ресурсы¹, требуемые каждому обывателю для обеспечения его «достойного существования». Дать эти гарантии должно, естественно, государство – мысль, реанимирующая и без того не изжитые старинные этактистские предрассудки обывателя, выраженные в России верой в доброго (и всемогущего) царя.

Но государство (как и царь) – не обезличенный институт, он сложен из определенного человеческого «материала», который обладает как собственным эгоизмом, так и реальной возможностью его удовлетворения (не эгоизмом же населения быть ему озабоченным!). Кроме того, и как институт, и как человеческий «материал» оно выражает интересы, прежде всего, этого «материала», элит; современные же (рыночные) элиты предпочитают иметь дело с человеками-покупателями, а не человеками-получателями сощпайков – вот где произошел действительный перелом: покупателя не надо принуждать к чему бы то ни было, он добровольно несет свои деньги на рынок, его надо лишь завлечь, а как приобрести деньги, он пусть сам

¹ См., напр.: *Михайловская И.* Концепции прав человека и их значение для посткоммунистического общества. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b9/Chapter5.htm>; *Элстер Й.* Влияние прав человека на экономическое развитие. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b4/Chapter9.htm>; *Хеллер А.* Свобода как высшая ценность. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hrighs.ru/text/b2/Chapter4.htm>; и др.

придумывает. И современный обыватель придумывает и придумывает – без специального на то приказа элит.

Чтобы человек стремился тратить деньги на рынке (неизбежно подконтрольном элитам), а не получать («задаром») проблематичный «минимум» в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, культуры, образования, этих современных богодельнях, последние запрограммированы (государством, прежде всего) на убожество в сравнении с тем, что предлагает рынок товаров и услуг. Обыватель-покупатель боится оказаться объектом социальной заботы государства и не желает платить налоги на эту заботу о других¹. Свое «достойное существование» он покупает на рынке и ценит эту возможность оставаться участником рынка.

Соцобеспечение же отчасти, но теснит рынок, массовый человек-покупатель поэтому презирует госсистему соцобеспечения. А чиновник подыгрывает этому настроению, содержа соцобес в условиях унижительного недофинансирования – какое уж тут «достойное человеческое существование»...

Но усовершенствованная идеология прав человека внушает клиенту соцобеса, что скоро-скоро, еще потерпим – и будет всем достойное существование. А массовый человек-покупатель – не такой уж он циник, сам верит, что скоро-скоро как-нибудь (и, конечно, не за его счет) все устроится, всем станет хорошо, и даже ему станет еще лучше! Главное, что это вера не мешает быть поглощенным увлекательнейшей рыночной игрой «где, что, почему?» и приобретать, приобретать для себя еще и еще по кусочку «достойного существования», так продвигаясь к достойному существованию для всех! А о сырых и убогих государство («дядя») позаботится!

У самого массового человека-покупателя к государству особых претензий по этой части и нет. Ему – лишь бы государство его оставило в покое (т.е. предоставило права «первого поколения»). Массовый человек-покупатель – стихийный либерал, но смутные подозрения о неблагополучии сырых и убогих потребовали средств для успокоения зашевелившейся совести. Так пригодилась трудно реализуемая идея права на достойное человеческое существование посредством господдержки убогих при сохранении джунгледоподобного рынка.

Трудность ее реализации оказалась еще и в том, что кроме собственных экономически несостоятельных граждан мир полон огромными депрессивными регионами. Здесь мы выходим на нештучную проблематику «золотого миллиарда», глобализации.

¹ См., напр.: Бауман З. Свобода. М.: Новое изд-во, 2006.

Похоже, не на кого надеяться простому человеку третьего мира – «достойно человека» ему не жить. Разве что «вопреки всему и всем», а это уже из области экзистенциально-религиозного подвижничества (в нищете, но гордо). Международный терроризм здесь имеет свою весьма благодатную почву, хотя к «достойному человеческому существованию» он никакого отношения не имеет.

Итак, не только идеология права на достойное человеческое существование, но и идеология прав человека – очередная историческая иллюзия. Эвристичная, в чем-то даже продуктивная, но иллюзия, не имеющая в себе ресурса подчинить жизнь, выправить ее под себя. Идеология хорошо чувствует себя в сфере принципов, но гораздо хуже – в сфере конкретных правовых норм, и уж совсем плохо – в сфере их применения.

Идеология – превращенное сознание, загипнотизированное неким «высшим» смыслом, оправдывающим вещи и дела, нередко не получившие даже своего имени, скрытые до поры от массового сознания. Так, мы действительно живем в век стремительно растущей социальной мобильности (об этом все говорят) при сохраняющейся и даже укрепляющейся стабильности элит (об этом почти не говорят). Мы действительно имеем дело с превращением права в самоценность, но при использовании его элитами только и только как выгодного для себя инструмента, с легкостью игнорируемого ими с позиций экономической или политической целесообразности. Выше права в качестве регулятивов остаются для элит и ситуативные договоренности («жизнь по понятиям»). Так что в социуме есть не только внеправовой (потому что бесправный) низ, но и внеправовой (потому что правящий) верх. Потому «право в XX в. как в теории, так и на практике все меньше воспринимается как связанное целое, свод, организм, *corpus juris* и все больше как мешанина, каша из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм, соединенных только общими «приемами», «техникой»... Право становится более фрагментированным, субъективным, больше настроенным на удобство, чем на мораль, оно больше заботится о сиюминутных последствиях, чем о последовательности и преемственности. Так в XX в. размывается историческая почва западной традиции права, а сама традиция грозит обрушиться»¹.

В итоге право в той его части, которая стала идеологией (прав человека), отвлекает (особенно успешного на рынке) человека

¹ Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М., 1998. С. 52–53.

от забот о ближних, точнее, ограничивает число ближних до минимума, нередко – до самого себя («освобождение» себя от других, доведенное до освобождения других от себя). Но самое главное, идеология прав человека ограничила претензии масс к элитам, привязала массового человека к функции агента рынка, на котором человек ощущает себя свободным. И потому никем, кроме как покупателем-потребителем, он уже быть не желает (такая вот свобода). Элиты это массовое мироощущение вполне устраивает, потому они не забывают и про финансовую поддержку соответствующей идеологии.

Таким образом, права человека, став трюизмом массового (неизбежно мифологизированного) сознания, в своей идеологической ипостаси оправдывают социальный status quo, обслуживая, прежде всего, интересы современных элит, и вызывая поэтому лютую ненависть у тех, кого нынешние элиты категорически не устраивают. У темы прав человека, несомненно, есть и те ипостаси, о которых уместно рассуждать юристам-профессионалам. Но, во-первых, народ вряд ли услышит их узкоспециальные доводы, а во-вторых, юристы – тоже люди, а потому подвержены влиянию массовых настроений: на каждого мудреца найдется не один трюизм.

P.S. У читателя может сложиться впечатление, будто автор принадлежит к врагам современных элит, а потому не разделяет идеи прав человека. Нет, автор весьма подвержен всем массовым настроениям, особенно он любит все современные (и даже не современные) элиты. Но идеи прав человека он видит пребывающими, прежде всего, не в плоскости позитивной правовой науки, а в сфере массового сознания, всегда нуждающегося в демифологизации (во избежание впадения в коллективный бред) – а инструментарий для этой работы имеется (наряду с цеховым, т.е. присущим любой профессии, бредом) в области философского знания.